В. П. Кирсанов

СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА БИПОЛЯРНОГО МИРА

Работа представлена кафедрой культурологии и глобалистики Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д. Ф. Устинова. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор И. Ф. Кефели

В статье выявляются особенности социальной природы биполярного мира в эпоху глобализации.

Ключевые слова: *социальная природа, биполярный мир, «холодная война», глобализация, альтернативные глобальные проекты.*

V. Kirsanov

SOCIAL NATURE OF THE BIPOLAR WORLD

The peculiarities of social nature of the bipolar world in the globalisation epoch are revealed in the article.

Key words: *social nature, bipolar world, Cold War, globalisation, alternative global projects.*

Окончание Второй мировой войны ознаменовало важный рубеж развития международной системы в ее движении от множественности главных игроков международной

политики к уменьшению их числа и ужесточению иерархии, т. е. отношений соподчиненности, между ними. Вторая мировая война нанесла по многополярности сокрушительный удар. Еще в ее недрах стали зреть предпосылки для превращения многополярной структуры мира в биполярную. К концу обозначился колоссальный отрыв двух держав – СССР и США – от всех остальных государств по совокупности военных, политических, экономических возможностей и идейному влиянию. Этот отрыв определял суть биполярности, почти так же как смысл многополярности исторически состоял в примерном равенстве или сопоставимости возможностей относительно многочисленной группы стран при отсутствии резко выраженного и признаваемого превосходства какого-то одного лидера. Многополярная система, сформированная со времен Вестфальского урегулирования (1648 г.) и сохранявшаяся (с модификациями) на протяжении нескольких веков до Второй мировой войны, преобразовалась по ее итогам в биполярный мир, в котором доминировали США и СССР.

Устанавливается геополитическая биполярность, которая воплотилась в появлении двух географических зон преобладания – советской и американской. В первую вошли страны Восточной Европы и отчасти материковой Восточной Азии. Во вторую – Западная Европа и азиатская прибрежно-островная зона. Страны соответствующих регионов были вынуждены координировать свою внешнюю политику с интересами соответствующей державы-гегемона.

Двухполюсной мировой порядок, просуществовав сорок с лишним лет, стал достоянием истории. «Однако теперь, – справедливо отмечает Э. Я. Баталов, – когда он ушел за исторический горизонт, многие оценивают прежнюю двухполюсную систему в более позитивных тонах, чем еще несколько лет назад, когда ее сопряженность с холодной войной оставляла в тени ее достоинства» [1, с. 153].

Далее он продолжает: «Но двухполюсная система – и как идеальный тип, и как конкретный исторический феномен, наблюдавшийся в мире во второй половине XX века, – сохраняет свою силу в качестве модели, с которой сопоставляют и нынешнюю систему, именуемую “однополюсной”, и “многополюсные” системы – как реально существовавшие в истории, так и гипотетические присутствующие пока только в воображении тех, кто рассуждает о возможности их материализации в обозримом будущем… *Между тем даже с таким вроде бы хорошо изученным объектом, как двухполюсная система, далеко не все ясно*» (курсив наш. – *В. К.*) [1, с. 154].

Конечно, двухполюсные системы существовали в истории международных отношений до середины XX в., но они существенно отличались от двухполюсной системы, сложившейся после Второй мировой войны. Не видя или сознательно игнорируя эту существенную разницу, невозможно постичь *уникальный* характер миросистемы, который определял особенности международных отношений на протяжении почти всей второй половины XX в. и был во многом обусловлен именно спецификой существовавших в то время полюсов. Полюса, сложившиеся после Второй мировой войны, являли собой не просто мощные системные центры силы, как это было бы в случае, если бы в роли противостоящих сторон выступали, скажем, Англия и США, Германия и США, Англия и Германия и т. п. То были бы соперники, которые при всей возможной жесткости борьбы, между ними обладала *общими* базовыми характеристиками – социальными, экономическими, политическими. В сущности, это была бы борьба внутри одной и той же социально-политической и экономической системы. И победа любого из полюсов не меняла принципиальным образом характеристики другого полюса, а значит, и мировой системы в целом.

Однако ситуация коренным образом изменилась, когда в качестве противоборствующих полюсов выступили системы государств не просто с разными, но именно с *полярными* характеристиками. Победа полюса, возглавляемого США, принципиально изменила бы основные политические и другие черты государств и обществ, входивших в полюс, возглавляемый Советским Союзом.

Но победи СССР – страна социалистическая, – это привело бы к принципиальному изменению американского общества, равно как и обществ, выступающих на стороне США, и в итоге и мировой системы в целом. В этом смысле известная формула советской пропаганды «Два мира – две системы» была весьма близка к истине.

Ничего подобного противостоянию этих полюсов не случалось в истории международных отношений ни в XIX в., ни в более ранний период. И ничего похожего не предвидится в обозримом будущем. Нет никаких признаков того, что на смену нынешнему «униполю» придет в обозримом будущем новый двухполюсный мир. Но если бы это вдруг произошло, мы бы увидели *совсем другие* полюса, мало похожие на те, что существовали в недалеком прошлом.

Можно согласиться с мнением Н. Т. Биндюкова, что «социализм объективно насыщал глобализационные процессы идеями, ценностями, началами и реалиями, которые мир капитала воспринимал как “антитела” в конструируемой им “новой мондиалистской реальности”. А именно эта, содержательная, качественная сторона интеграционных процессов имела первостепенную важность. Запад вынужден был мириться с тем фактом, что без СССР, социалистического мира в целом не решалась ни одна крупная проблема мировой политики» [2, с. 53].

Развал Советского Союза и мировой системы социализма, упразднение силовых и политических структур этой системы не только устраняли главное препятствие нарастания экономической, политической и военной экспансии финансовых монополий по всей планете, не только создали простор для утверждения монополии политической гегемонии США в мире, но и открыли шлюзы для безбрежного и бесконтрольного бума глобализации в ее империалистическом выражении, т. е. со всеми присущими этой модели язвами, разрушительными последствиями, ведущими к планетарной катастрофе.

Противостояние двух мировых систем во время “холодной войны”: капиталистической и социалистической – давало миру равновесие. Можно вполне согласиться с мнением Л. Г. Ивашова: «Во главе их встали государства с четко выраженными цивилизационными признаками – США и СССР, вокруг которых образовались две мировые системы, явившие человечеству альтернативу в своем развитии. Соперничество между ними во многом способствовало научно-техническому прогрессу, развитию демократических принципов, созданию системы справедливых международно-правовых норм и институтов, социальной защищенности людей. Достижение паритетов стратегических потенциалов делало мир более стабильным, и ни одна страна не ощущала себя одинокой, беззащитной, хотя имели место многочисленные факты военного давления и вооруженной агрессии в различных точках земного шара» [3, с. 8].

Сегодня этот факт либо замалчивается, либо явно недооценивается. *Вместо гармонизации мира*, в котором исчезла блоковая конфронтация (не таившая серьезной угрозы ядерной войны в условиях гарантированного ответного удара), *произошла разбалансировка и хаотизация международных отношений*.

«С начала 90-х гг. XX в., резонно утверждает Н. А. Косолапов, мир живет в условиях его устройства, но не порядка. Но в этом устройстве явно нет пока объединяющего начала, каким по-своему, но была выросшая из ялтинско-потсдамских “штанишек” конфронтация СССР и США в 60–80-е гг.» [4, с. 3–4].

Все миропорядки, включая ялтинско-потсдамский, были итогом договоренностей между великими державами по результатам предшествовавшей им большой войны: наполеоновской – перед 1815 г., Первой мировой – перед 1918–1919 гг., Второй мировой войной – перед 1945 г. Однако по завершении «холодной войны» аналогичных договоренностей не было достигнуто.

После распада СССР и мировой системы социализма мир де-факто стал однополярным. Резко изменился геополитический статус России и, соответственно, ее роль в мировой политике. Правящие круги США интерпретировали коллапс СССР как победу в холодной войне, самоуверенно полагая, что

победителю просто не с кем делить плоды своей победы: что США решает, то и миропорядок. Устранив своего главного геополитического конкурента, США целенаправленно прилагали усилия к оттеснению ослабленной России на периферию мировой политики, снижению ее субъектности.

Известно, что политика – это искусство возможного. Однако при всей важности объективных факторов важно учитывать и субъективные:

1) политическое руководство России, даже в условиях резко снизившихся возможностей необоснованно шло на одностороннее сближение с Западом и в первую очередь с США, игнорируя или недооценивая роль развития отношений с другими акторами мировой политики;

2) односторонние уступки Западу, которые не только подрывали национальные интересы России, но и ослабляли глобальную безопасность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баталов Э. Я.* Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 376 с.

2. *Биндюков Н. Т.* Глобализация и Россия: парадигма, социально-политический аспект, стратегия левых сил. М.: ИТРК, 2004. 368 с.

3. *Ивашов Л. Г.* Современная Россия на геополитической карте мира // Геополитика и безопасность. 2008. № 3.

4. *Косолапов Н.* Формирование глобального миропорядка и Россия // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 11.